

бог же всех богов,
спаситель бедных,
живет, воинствует и воздаст.

Относясь справедливо к слабым и защищая их веру, царь Артаксеркс исполняет волю «бога богов», и трагедия, посвященная ему пастором Грегори, могла бы называться «Артаксеркс, или благоденствия терпимости», если б ее заглавие надо было пополнить моральным изречением, как это делалось по литературной моде XVII и XVIII столетий.

Но заслуга пастора Грегори не ограничивается тем, что он дал новое значение и тем самым новую жизнь старой библейской легенде. Он как драматург и поэт обладает исключительным писательским даром. Правда, композиция его драмы не очень искусна: он уделяет слишком много внимания интригам изгнанной Вавилоны и заговору евнухов, и ход действия местами медлителен. Но зато у него быстрый и живой диалог, поражающий нас вполне простым, выразительным и ясным слогом, без фальшивых прикрас, которые были в моде в то время. «Надо предполагать, — замечает Maurice Gravier, — что автор стоял в стороне от больших литературных течений своей эпохи. В далеком изгнании, приютившись в Московской Руси, этот начитанный пастор написал без затруднения и с энергией свое искреннее и убедительное сочинение, в котором он сумел говорить, соответственно действующим лицам и обстоятельствам, то возвышенным, то галантным (мы слышали, как царь объясняется в любви к Эсфири), то разговорным, то умышленно грубым языком. Его рассказ притчи о человеке, спрятавшем у себя за пазухой двух змей, — настоящий образец классической простоты». Стихи же, в которых он показывает глаз божий всевидящий и осуждающий Амана, напоминают красноречие проповедника, воспитанного на поэзии библейских псалмов:

Unt wenn du armer Mensch heünt schläfst in deine Sünden,
und 1000 Arten Tods sich umb dein Bett' herfinden,
so ist ein grosses Aug, das über uns noch wacht
und mit der Sonnen-Blikken
und Freud und Frost und Leben kan zuschikken.

Проповедник этот умеет говорить, когда нужно, и простым народным языком. Так, например, на вопрос стража, имеет ли он оружие: «So habt ihn kein Gewehr? — Nicht einen Schusterpfriem», отвечает один из заговорщиков. Тот же самый страж грубо обращается к своим пленным: «bä, bä! Ihr möght nun pissen oder weinen!»

Русский переводчик или писарь, которому мы обязаны лионским текстом, счел нужным представить этот пассаж в приличной форме: «Oго! Хотя ныне и молитесь (мочитесь) или плачете».

«Артаксерксово действие» стоит гораздо выше сочинений английских комедиантов, с которыми столь многие историки русского театра неосторожно сопоставляли первую драму Грегори, хотя и не имели до сих пор возможности познакомиться с ней. Своими размерами, большим количеством действующих лиц, вложенными в текст духовными песнями и глубоко нравоучительной тенденцией эта «комедия» скорее напоминает школьные драмы. Автор не владеет ни искусством композиции и слога, ни утонченностью, доходящей до педантизма, присущими Gryphius'у. Он более прост, непосредствен и искренен и этим самым более захватывает зрителей. Четырехчастная интермедия (план которой указан автором несколькими словами, представляющая, кажется, собой семейную ссору Мопса с его женой Еленой при вмешательстве третьего лица — кота Мышелова, которого убивают) приближается, по всей вероятности, к манере